

Повести о покорении Сибири

В 1621 г. была организована Сибирская архиепископия. Первый сибирский архиепископ Киприан Старорусенков прибыл в Тобольск из Новгорода, где он перед тем играл заметную роль в политической жизни города: вел переговоры со шведами и одновременно добивался воссоединения Новгорода с Москвой. Существенно, что Киприан был энергичным сторонником традиционной новгородской теории о превосходстве церкви над светской властью. Впоследствии, будучи новгородским митрополитом, Киприан был очень озабочен созданием пышного окружения митрополичьей кафедры, организовал свой митрополичий двор, во всем подобный царскому, присвоил себе титул «государя», в церкви стоял «с большой гордостью», вечерню и заутреню слушал сидя, ездил летом в санях, приказывая в торжественных случаях возить их за собою в шествиях, и не исполнял царских и патриарших указов.

В Тобольске Киприан деятельно занялся умножением церковных земель, постройкой новых церквей и монастырей. Одним из главных дел Киприана во время его короткого пребывания в Сибири было основание Софийского собора, по образцу новгородского. Тобольская София должна была стать, по мысли Киприана, во всем подобной новгородской. Так же, как и в Новгороде, патрональная святыня города должна была стать центром местного летописания.

Во второе лето своего пребывания в Тобольске Киприан «повеле запросити Ермаковских казаков, како они приидоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и ково где убили погании в драке. Казаки же принесоша к нему **н а п и с а н и е**, како приидоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были, и где казаков и какова у них имянем убили». На основании этого казачьего «написания» был составлен для Тобольской Софии пространный Синодик, текст которого сохранился в Сибирской Есиповской летописи. Синодик этот сам по себе представлял краткую летопись — сжатый конспект событий похода Ермака. Кроме того, архиепископ приказал «кликати» раз в году в неделю православия вечную память убитым казакам. Позднейшая — Ремезовская — летопись упоминает и еще один источник Киприановского синодика — какие-то татарские записи.

Итак, есть ясное свидетельство того, что еще до 1620-х годов существовало особое казачье «написание» о походе Ермака. Характер этого «написания» наложил прочный отпечаток на все последующее сибирское летописание в части, касающейся походов Ермака.

Первое казачье «написание», поданное казаками архиепископу Киприану, было, по существу, произведением народной, демократической литературы. «Написание» было составлено на основании воспоминаний очевидцев событий, которые еще были свежи в памяти всех, и потому не включило легендарный и песенный материал о Ермаке. Можно думать, что к тому времени его еще почти и не было. Однако народная основа этого «написания» ясно проступает в самой точке зрения на поход Ермака, разительной сходной с песенным освещением событий. И казачье «написание» и народная песня изображают Ермака единственным инициатором похода на Сибирь, народным героем, идеализируют его. В народной поэзии Ермак превратился в богатыря, сражающегося с Калином царем и с бабой Мамащиной; он помогает Грозному взять Казань. Сила, побитая Ермаком, так велика, что «ведь серому-то волку в день-то не оскакать, черному ворону в день не облететь». Ермак вошел в былины Киевского цикла, став, по некоторым вариантам, племянником Ильи Муромца. Разбойничьи песни позже стали называть его родным братом Степана Разина:

Атаманом быть Ермаку Тимофеевичу,
есаулом быть его братцу родимому Степанушке.

Сама биография Ермака дала немало сюжетов для разбойничьих песен. Так, например, мотив прощения вин разбойнику навеян соответствующим эпизодом из биографии Ермака.¹

О характере той демократической казацкой литературы, образцом которой было «написание» о походе Ермака, ближе всего позволяет судить так называемая Кунгурская летопись. Составленная уже в последней четверти XVII в. и дошедшая до нас лишь в отрывках, эта летопись сохранила отчетливые следы своих древнейших источников — казачьих рассказов о завоевании Сибири. Эти следы видны и в ясной казацкой тенденции, и в особой простоте стиля и языка. В летописи встречаются чисто народные выражения: «частой ельник», «темной ельник». Попадаются следы казацкой военной терминологии: походы за ясаком рассматриваются как походы за «добычей», плыть по течению — плыть «напоплав», первое «воровское» предприятие Ермака названо «заворум», о тех или иных предприятиях Ермака или его пятидесятника Богдана Брязги обычно говорится, что они были решены не просто Ермаком, а непременно «с товарищами», сам Ермак называется иногда «Ермачко», с прибавлением клички «Поволский»; о первой попытке Ермака с товарищами проехать в Сибирь шутливо говорится, что казаки «обмишенились»; приводится также и поговорка казаков, не любивших долго дожидаться ясака или возвращаться за ним на обратном пути: «что мимоходом урвал, то и наша добыча», и т. д.

В отличие от других сибирских летописей, Кунгурская летопись дает идеализированную характеристику не только Ермака, но и всей его дружины. Сжато, немногими фактами обрисовывает летопись нравы дружины «Ермачка», с ее своеобразным артельным строем, строгими законами, суровой моралью и несложным бытом замкнутого разбойничьего круга. За проступки наказывали «жгутами», а за дезертирство смертной казнью: «насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду». «Больши 20 человек с песком и камением в Сылвы угружены», — замечает по этому поводу

¹ См. А. Н. Лозанова. Народные песни о Степане Разине, Саратов, 1928.

летописец. «Блуд» и «нечистота» были у Ермака «в великом запрещении». Провинившихся сажали «на чепь» и держали на ней три дня. Подробно, в характере сказа, перечисляет Кунгурская летопись участников Ермаковского «заворуя»: «было у Ермака два сверстника — Иван Кольцо, Иван Гроза, Богдан Брязга и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литавришки и барабанщики, сотники и пятидесятники и десятники с рядовыми и знаменщики чином, да три попа, да старец бродяга». «Старец бродяга» особенно останавливает на себе внимание летописца, придающего его пребыванию в дружине Ермака, повидимому, большое значение. Старец этот «ходил без черных риз, а правило правил и каши варил и припасы знал и круг церковный справно знал». Колоритная фигура этого «старца бродяги», бывшего, очевидно, знатоком казачьих традиций («правило правил»), исполнявшего какие-то религиозные функции, и, вместе с тем, ведавшего «припасами» и варкою «каши», вносит живую черту в наши представления о дружине Ермака.

В отличие от других летописей, значительно более резкими чертами изображены взаимоотношения казаков и Строгановых. Кунгурская летопись настойчиво проводит ту точку зрения, что помощь Строгановых Ермаку была вынужденной. Казаки «с пристрастием» отнимают у Максима Строганова необходимые им для похода запасы, прямо угрожают ему расстрелом: «Из них же войска паче всех Иван Колцев с есаулы крикнуша: О мужик, не знаешь ли ты и тепере мертв, возмем тя и ростреляем по клоку...» «Максим же, страхом одержим», отворил амбары и день и ночь выдавал казакам по их запросу на струги. Припасов было выдано столько, что казацкие струги не выдержали и стали «под берегом тонуть». Тогда казаки «излегчили принимать запасов помене по стругам» и приправили им «набой», т. е. наколотили борта. Все эти подробности — явно легендарного характера, но замечательно, что, излагая их, автор летописи все-таки полемизирует с какой-то другой версией истории сборов Ермака, утверждавшей, что Ермак брал у Максима Строганова припасы «взаймы» и «в честь».

От Кунгурской летописи сохранился законченный повествовательный отрывок о походе пятидесятника Богдана Брязги «с товарищами» вниз по Иртышу. Повествование это отличается большою точностью и реальностью наблюдения. Очень живо передан характер расправы казаков с местным населением при сборе ясака в Аремзянской волости. Богдан «городок крепкий взял боем и многих лутчих мергеней повесил за ногу и растрелял», а затем «ясак собрал за саблюю и положил на стол кровавую, и велел верно целовати за государя царя». Татары были настолько напуганы этим, что «и за страх грозы не смели не токмо руки поднять, ниже слова молвити во всей волости Кадцынской».

Этнографически интересно рассказано в этом отрывке о камлании шамана: «проклятого связавше крепко, и уткнув саблюю или ножом в брюхо сквозь и держат связана, дондеже по вопросу всем скажет, и тогда выдернут нож или саблю, шейтанщик же, встав, наточит пригоршни крови свои, выпьет и вымажется, будет весь цел, что и язв не знать». Крайне любопытны рассказанные в этом отрывке сведения о культе «богини древней», о ворожбе, о попытке казаков похитить остяцкого бога, о камне, насылающем непогоду, в основе чего лежит мусульманское поверье, затем о гадании Ермака у шамана и т. д. Чрезвычайная точность описаний всех деталей похода, мелочность некоторых указаний (например, что приносившие ясак были в «цветном» платье и др.) заставляет предполагать, что перво-

начальная запись о походе Богдана Брязги была сделана кем-то из участников. На эту же мысль наводит сама форма рассказа от первого лица в описании одной из битв: «егда же начахом приступати на косогор», а также своеобразное сокращение изложения, которое мог допустить только очевидец, уставший рассказывать обо всем, что он видел: «а кои бои и были по дороге, на низ пловучи, и тех всех описать трудно подробну: вои убитых нет, а раненых каждой многащи». Те же следы записей очевидца заметны и в двух других отрывках Кунгурской летописи. Таково, например, точное описание местности в конце одного из отрывков: «стояще в прикрыте за речкою в трех верстах и менши, в темном диком суземье, при речке крутой и топкой велми; по ней же Кучюм учинил брод широкий, как в три и в четыре телеги проехать, в одном месте камнем и песком засыпал плотно; а хто не угодает, утопает».

Поражает и обилие дат в Кунгурской летописи, причем ни в датах, ни в описании самих событий не видно зависимости ее от других сибирских летописей. Все это заставляет предполагать о каком-то особом своеобразном и, во всяком случае, очень древнем источнике Кунгурской летописи.

Один из эпизодов, рассказанных в этой летописи, возможно, явился основанием для соответствующего мотива в эпосе о Ермаке. Во время сборов ясака местный князек Елыгай привел Ермаку «прекрасную дочь свою в честь и в дар. Ермак же не приял и отверг и прочим запретил». «Та бо девка роду ханска Саргачика царя прекрасна». «Прекрасная дочь» Елыгая — не есть ли это прототип той песенной «души красной девицы, молодой Урзамовны», дочери «мурзы турскова», которую казаки Ермака отпускают, не обидев? Не ясна связь с этим эпизодом дальнейшего рассказа о «царицыном плаче». В происшедшем вслед затем бою казаки потеряли пятерых убитыми. «И о тех пяти человеках, — говорит Кунгурская летопись, — татара поют с плачем при беседах в песнях, припеваючи: ясным, яным, биш казак, биш казак, сиречь: воины, воины, пять, пять человек победиша и разориша. И сия песня их словет царицын плач».

Возможно, что не дошедшее до нас казачье «написание», поданное казаками в 1622—1623 гг. архиепископу Киприану, по стилю и характеру своему напоминало эту позднейшую казачью же Кунгурскую летопись, сохранившую в своем составе явные отголоски казачьих записей еще конца XVI в.

На основе того же казачьего «написания» и татарских записок была составлена при архиепископе Киприане первая официальная сибирская летопись, отличавшаяся от «написания» большею пышностью слога, риторическими оборотами, вымышленными диалогами и несколькими новыми статьями: описанием Сибири, торжественным введением и заключительной частью о присоединении к христианству сибирских народов. Эта последняя статья и передает основную идею Киприановского свода: Сибирь, которая была раньше местом «вогнеждения» зверей и «водворения» сиринов, стала теперь прибежищем христианам: «Оттоле же солнце евангельское землю Сибирскую осия, псаломский гром огласи, наипаче же во многих местех доставишася гради, и святые божия церкви и монастыри создашася».

На основании татарских летописей в Киприановском своде была составлена статья с генеалогией татарских царей, и рассказана известная история гибели Ермака. Строгановская летопись, ближе всего сохранив-

шая текст Киприановского свода, донесла до нас почти в неизмененном виде и текст этого повествования о смерти Ермака, переданного от лица самих татар: «последи ж нецы глаголют от язык [т. е. татары] о том, яко воспряну ту храбрый ваш [т. е. русских] воин Ермак от сна и виде дружину свою от нас [татар] избиваемых, и никоея надежды мѣшно имети ему, животу своему, и побеже в струг и не може дойти своих си, понеже бо в дали расстояние, и тут ввержеса в реку и утопе».

И Киприановская летопись, и Синодик сохранили основную идею казачьего «написания». Оно изображало покорение Сибири как дело Ермака, предпринявшего его на свой риск и страх, без участия Строгановых. Эта тенденция особенно резко сказалась в той части Синодика, где было записано, что «не от славных муж, ни царска повеления воевод... но от простых людей избра бог и вооружи славою и ратоборством и волностию атамана Ермака Тимофеева сына Поволскаго и со единомысленною и предоброю дружиною храбровавшего».

В 1637—1638 гг., когда по ходатайству тобольского архиепископа Нектария «прославление» Ермака и его казаков приобрело общерусский характер, на основании летописи Киприана 1622 г. архиепископским подьячим Саввою Есиповым, привезенным Киприаном из Новгорода, была составлена новая обширная официальная сибирская летопись, сохранившаяся во многих списках. Цель составления этой летописи аналогична цели составления киприановского синодика: прославить новую христианскую землю Сибирь и окружить ореолом мученичества ее покорителей. На первом плане в Есиповской летописи попрежнему «велемудрый ритор Ермак» с товарищами, ходивший по всей сибирской земле «стопами свободными». Основная тема повествования — «о мужестве и о храбрости русского полка, собранного и водимого Ермаком Тимофеевым». Согласно с торжественной целью своего повествования, Есипов значительно «распространил» витийством «прежнее писание», т. е. Киприановскую летопись, которая, по его мнению, была слишком «стесняема речью». Есипов вставил в свою летопись примеры из Библии, ссылаясь на Троянскую историю, на «кронику латынскую», рассуждал о происхождении названия Сибирь и т. д. Картины боя описаны Есиповым в традиционных образах воинской повести. Здесь и «тмочисленные стрелы», и болота, собравшиеся «от истекших кровей», здесь и обычная формула — «за руки емлюще сечахуся».

Возможно, что в связи с установлением всероссийского поминания убитых при покорении Сибири казаков, Есиповская летопись предназначалась для отсылки в Москву. За это говорит пространное описание Сибири, которое было предпослано в летописи повествованию о походе Ермака. Есипов пишет о сибирской природе в тех восторженных выражениях, которые стали впоследствии обычными для всех русских писателей, рассказывавших о Сибири. Есипов говорит об Уральском хребте «зело превысочайшем», который стоит «яко стена граду утвержена»; перечисляет зверей, водящихся в Сибири — одних «на снадение», других «на украшение ризное»; описывает реки «пространны зело и прекрасны», прокопавшие твердый камень, их воды «сладчайшия», обилие рыбы, леса, стоящие у истоков рек; упоминает о «сладкопеснивых птицах» и «травных цветах». Его внимание остановила также вечная мерзлота в устье Оби: «в сих же устьях леды искони состарешася и николи же таяще от солнца, и непроходимо место, и не знаемо чадию». Сообщает Есипов и этнографические сведения: о народах, населяющих Сибирь, об их вере, одежде, пище и средствах передвижения: «ездят остяки на псах, самоядь же на еленях» и т. д.

С историей колонизации Сибири в XVII в. связан ряд произведений, касающихся военных столкновений русских поселенцев с коренными жителями Сибири. К первой половине XVII в. относится «Повесть о городах Таре и Тюмени», касающаяся событий 1634—1635 гг. на юго-восточной окраине тогдашней Сибири. Повесть рассказывает о нападениях калмыков, предводительствуемых татаринном Кучашем Танатаровым, на Тару, в результате которых многие жители были убиты, другие уведены в плен. Узнав об успехе Кучаши, калмыцкий тайша Куйша послал на Тару своих сыновей, но последние потерпели жестокое поражение во время вылазки русских. К этому повествованию механически, при помощи общих рассуждений о гневе божьем, который «не укротился за умножение грехов наших», присоединены два рассказа — о неудачной попытке «литовцев» (поляков), сосланных на поселение, завладеть Томском и об опустошительном набеге на Тюмень татар и калмыков.

События описаны в Повести с обычным многословием московской исторической беллетристики начала XVII в.: Повесть обильно насыщена общими формулами воинских повестей, риторическими восклицаниями и отступлениями, библейскими сравнениями, отвлеченными метафорами и перифразами. Автор, житель Томска, повидимому, был свидетелем описываемых событий. Однако, ряд конкретных упоминаний, изобличающих в нем очевидца, тонет в обильной риторике бессодержательных отступлений.

Ряд признаков и стилистических совпадений указывает на хорошее знакомство автора «Повести о городах Таре и Тюмени» с летописью Саввы Есипова. Однако в целом стиль Повести во многом отличен от стиля Есипова и не позволяет отождествлять с ним автора Повести. Общие места скорее свидетельствуют о том большом резонансе, который получили повести о покорении Сибири почти сразу же после своего возникновения.